

«Русские сезоны» Валерия ГЕРГИЕВА несколько месяцев были в центре внимания публики, критиков и снобов. Постановки поражали декорациями, мощью оркестра, совершенством исполнителей.

Привезет ли Гергиев в следующем году свой театр в Париж? Этот вопрос Валерий Абесалович считал преждевременным. Но парижане расставались с Мариинским с явным сожалением...

«Русские сезоны» включали в себя две программы — балетную и оперную. Первая (с 16-го по 31 октября) представила парижанам восстановленные балеты Фокина и Нижинского из «Дягилевских сезонов», «Шелкунчика» Чайковского с декорациями Шемякина и «Баядерку» Минкуса в постановке Мариуса Петипа.

Четыре оперных спектакля очень отличны друг от друга.

«Золотой петушок» — совместная постановка театра Шатле и оперы Сан-Франциско 1984 года. На этот раз на парижские подмостки вышли русские солисты из разных театров мира — Томе Звездочета — англичанина Барри Банкса и Золотого петушка — японской певицы Юри Марии Саенци и хор Мариинского театра. (Оркестр театра Шатле под руководством Кента Нагано.)

Постановка Энносукэ Ишикава — знаменитого на весь мир актера и режиссера театра Кабуки. Костюмы японского модельера Томио Мори.

«Гибрид двух экзотик» (русской сказки и театра Кабуки) не стал открытием. Персонажи, соответствующим образом загримированные и облаченные в ярчайшие костюмы, каждый из которых со шлейфами и обилием занимал треть сцены, принимали статичные позы и пели динамичнейшую и эмоциональнейшую оперу Римского-Корсакова. Стремление к оригинальности сценографии свелось к японской бестрепетности в обращении с незнакомым материалом и неорганичности не-русских актеров в пластике Кабуки.

Вопреки всем тяжеловесным наворотам постановщиков певцы звучали естественно и органично. Хор Мариинки под управлением Андрея Петренко — просто глас Божий! Ослепительная Шамаханская царица в исполнении солистки Мариинского театра Ольги Трифионовой гипнотизировала голосом, на едином дыхании справлялась с головокружительными виртуозными трудностями своей партии. И производила на публику именно то впечатление, которое обещал нам Пушкин.

С января подмостки театра Шатле уже целиком принадлежали лишь Мариинскому театру. Вечерами поочередно шли «Евгений Онегин» и «Демон» Рубинштейна, а днем давали камерные концерты молодых воспитанников Академии вокального искусства при Мариинском театре.

Партию фортепиано неизменно исполняла Лариса Абесаловна Гергиева. Она нашла в России, Белоруссии, Грузии, Азербайджане и обучила молодых Ирину Матаеву, Екатерину Семенчук, Дмитрия Воропаева, Екатерину Соловьеву и многих других.

Критики в один голос восторгаются музыкальной стороной марининских оперных постановок. Любое насквозь известное произведение Валерий Гергиев прочитывает по-новому. Все штампы и привычные интерпретаторские приемы, накопившиеся десятилетиями, он смахивает, как пыль. Гергиев дирижирует так, как если бы он сам сочинил эту оперу или симфонию! Он пропускает через себя каждую ноту, вживается в каждый персонаж, дышит вместе с музыкой.

Вся Мариинка работает в режиме гергиевского подвижничества и неутомимости. Магнетизм этого истинного пассионария завораживает не только труппу и публику, но и крупнейших музыкантов и деятелей искусства, которые проникают в зал во время его репетиций и записей, следят за каждым жестом... И стараются, по выражению Станиславского, «заразиться талантом».

Опера «Демон» неслучайно на сто лет выпала в небытие. Будучи виртуозным пианистом и одареннейшим мелодистом, Антон Рубинштейн был довольно беспомощным оркестровщиком. Спасти и вывезти на себе «Демона» может только личность, которая своим экстраординар-

ным музыкантским дарованием способна компенсировать рваность и нестройность формы, а удачные отрывки поднять до уровня шедевра.

В начале века такой личностью был Федор Шаляпин. Через сто лет — стал Валерий Гергиев.

Но если музыкальная сторона Мариинской оперы безупречна, то режиссерско-постановочная все время находится в процессе эксперимента. Меняются только его субъекты (или объекты?) — режиссеры и сценографы.

Сценографию постановки «Демона» нельзя определить иначе, как костюмированную полуконцертную постановку на фоне силуэта православного храма и груды ковров. Как писал парижский критик, «трудно целых три часа находиться нос к носу с неподвижными певицами, изредка прикладывающими руку к сердцу».

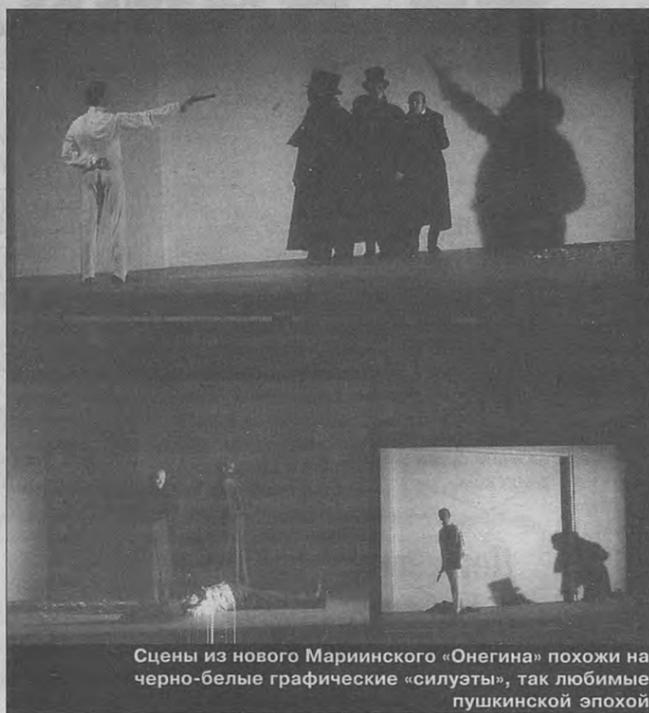
«Демон» — вторая оперная режиссерская работа Льва Долина в Париже. Первый раз он поставил в Опере Бастии «Пиковую даму» в авангардистско-парадоксальном плане. Тогда его режиссерская фантазия выворачивала наизнанку весь сюжет оперы. В этот раз Долин был крайне осторожен и сдержан. Действие на сцене ограничивалось падением татар на спящих воинов (артисты балета прыгивали с колосников на лежащих артистов хора) и перемещениями самого Демона. Все остальные композиторские указания о появлениях на сцене хоровых групп просто игнориру-

На Мариинские спектакли и репетиции Валерия Гергиева стремятся, чтоб «заразиться талантом»

Пресс-служба Мариинского театра

ПУТЕШЕСТВИЕ ОНЕГИНА В ПАРИЖ

Сцены из нового Мариинского «Онегина» похожи на черно-белые графические «силуэты», так любимые пушкинской эпохой

Мариинский «Петрушка» вновь на сцене театра Шатле. Как в эпоху «Русских сезонов» Дягилева

ются. Хору отведена та же роль, что и в греческой трагедии. И на этот раз публика была недовольна.

...В свое время молодой и непризнанный композитор и музыкальный критик Петр Ильич Чайковский, написав свой Первый фортепианный концерт, не будучи уверенным в том, что его кто-нибудь исполнит, — посвятил его знаменитому и всеильному в то время Антону Рубинштейну. Рубинштейн отверг бесценный дар, заявив, что партитура абсурдна, «неграбильна» и с фортепианной точки зрения неграмотна. И что учить этот ужас он никогда не станет.

В феврале 2003 года на сцене парижского театра Шатле история все расставила по своим местам. Имена

Чайковского и Антона Рубинштейна вновь звучат по-разному.

«Демон» после одноразовой постановки, политой кровавым потом всех участников, сохранится в роскошной радиозаписи Мариинского театра и, будем надеяться, выйдет в виде компакт-диска. Но самостоятельную жизнь в других театрах, вероятно, не заживет.

А постановка «Евгения Онегина» стала откровением фестиваля. Татьяна (Ирина Матаева), Онегин (Владимир Мороз), Ленский (Даниил Штода) и Ольга (Екатерина Семенчук) — ровесники персонажей. Как только возраст исполнителей совпал с возрастом пушкинских героев, вся логика страстей, реакций и событий встала на свои места!

Режиссеры-постановщики Патрис Корье и Моше Лейзер глубоко вникли в каждую подробность замысла Пушкина, Чайковского и Гергиева.

Действо воспринималось настолько остро и непосредственно, жизнь героев на сцене так глубоко захватывала, что люди в зале плакали. Рядом со мной в третьем ряду сидел преисполненный собственного достоинства пожилой чиновник, который в сцене объяснения Онегина с Татьяной вдруг прослезился, обнял свою жену и стал ее трогательно гладить по плечу. Перед слушателями были не исполнители, а настоящая влюбленная Татьяна, Онегин, который с юношеской наивностью считает себя умудренным опытом; потрясенный предательством и крушением

своих идеалов Ленский и раздраженная его детскостью Ольга.

Логика поведения взрослых — Няни (Ольги Марковой-Михайленко), М-ме Лариной (Светланы Волковой — певицы удивительной тонкости и гибкости) и Гремина (великолепного Михаила Кита) тоже, наконец, стала понятна: разве могут взрослые, глядя на любимые юные лица, догадаться о том, какие страсти кипят за ними? (Даже если и догадываются, то уж всерьез не воспримут.)

В первом акте хрупкая, грациозная фигурка Ирины Матаевой то деревенела от робости при приближении Онегина, то буквально взлетала в мечтах в сцене письма. Пластика Владимира Мороза в первом акте величественна и торжественна. Он преисполнен чувства собственной исключительности и рассчитывает каждый эффектный поворот головы. Во втором акте он очень изящно танцует в сцене бала, а в сцене дуэли выясняется, что гуляка праздный, похоже, все свободное время коротал в тренажерных залах. В третьем акте все меняется: Татьяна величественно плывет, а сломленность Онегина жизнью и страстью к Татьяне проявляется в каждом его жесте и повороте.

Без преувеличения успех «Онегина» можно назвать триумфальным.

Французская сторона высоко оценила «Русские сезоны». Гергиеву присуждено звание кавалера Ордена искусств. (Он аналогичен ордену Почетного легиона и вручается деятелям искусств за особые заслуги.)

Нам удалось задать музыканту несколько вопросов.

— Валерий Абесалович, обычно до партии Онегина и Татьяны певцы долгие годы «дослуживаются». Галина Вишневская пела Татьяну на своем прощальном спектакле в возрасте за пятьдесят лет. Давая главные роли совершенно юным исполнителям, идете ли вы на определенный риск?

— Определенная доля риска в нашем деле всегда неизбежна. Чтобы осуществить свой замысел, нужно в чем-то и рисковать, но до сих пор он себя оправдывает.

— Квартет молодых солистов, занятых в «Евгении Онегине», воспитан и обучен в Академии вокального искусства при Мариинском театре. Кому пришла в голову идея ее создания?

— Мне и моей сестре Ларисе Абесаловне Гергиевой, которая ею руководит и целиком на себе везет дело.

— А молодежный оркестр при театре?

— Мы его создали в 1999 году. Работаю с молодежным оркестром я. На недавних гастролях в Токио он имел большой успех.

— Академия, молодежный оркестр, балетное училище — своего рода музыкальный университет. Есть где-нибудь что-либо подобное?

— Наша академия абсолютно уникальна, нигде в мире такой нет.

— Может быть, в этом и причина столь ранней профессиональной зрелости солистов театра?

— Наша молодежь не только занимается в академии, но и постоянно присутствует в театре на репетициях и занята в спектаклях.

Во время церемонии вручения ордена Гергиев сказал: «Это — награда не только мне, но и всему Мариинскому театру, который объединяет 2000 человек. Мы осознаем нашу особую миссию и помним о ней 24 часа в сутки».

Французские критики перестали называть Мариинский театр лучшим оперным театром России. Теперь они считают его единственным.

Но, когда Валерий Абесалович встретит «своего» режиссера, театр станет, возможно, лучшим в мире.

● Елена ГАНЧИКОВА
Париж

ОТ РЕДАКЦИИ. Елена ГАНЧИКОВА — русская парижанка, молодой композитор и музыковед. Елена — дочь нашего постоянного музыкального обозревателя Виктории Ганчиковой. В своей первой статье, написанной для «Новой газеты», Елена рассказывает о событиях, о которых очень хотела — и не успела — написать Виктория.